

И.В. Лиджиева

ЧИНОВНИКИ ИНОРОДЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СИСТЕМЕ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

Предметом исследования в данной статье является чиновничий аппарат Инородческого управления Ставропольской губернии, в ведении которого находились кочевые народы: калмыки, ногайцы, туркмены. Автор приходит к выводу о том, что имперское правительство в процессе интеграции окраинных территорий государства использовало различные подходы к установлению системы управления и привлечения достойных кадров, начиная от законодательного закрепления льгот и привилегий, а также и сохранения элементов традиционного управления.

Ключевые слова: Инородческое управление; Главный пристав кочующих народов; Ставропольская губерния; частные приставы; чиновники.

Рост численности кочевого населения в степной части Северного Кавказа в конце XVIII в., прежде всего ногайцев, подтолкнул российское правительство к упорядочению системы жизнедеятельности на данной территории, что привело в 1793 г. к образованию четырех приставств: Калаус-Саблинского, Калаус-Джембойлуковского, Ачикулак-Джембойлуковского и Караногайского. Первоначально указанная форма административно-территориального устройства в составе империи существовала лишь формально, подчиняясь военному ведомству. И только в 1803 г. Министерство иностранных дел учредило должность Главного пристава, в ведомство которого вошли калмыки, ногайцы, туркмены и кабардинцы. Между тем еще именным указом императора Павла I от 29 августа 1800 г., данным коллегии иностранных дел, к управлению делами калмыков, кабардинцев, тухмен, ногайцев и других азиатских народов был определен коллежский советник И.М. Макаров с подчинением как к коллегии иностранных дел, так и к военному ведомству, в зависимости от подведомственности дел. В соответствии с этим же указом были определены штат в составе секретаря, переводчика, писца и двух толмачей, а также содержание, включающее жалованье, канцелярские расходы и пересылочные [1]. Выбор места пребывания и подбор кадров оставался за И.М. Макаровым. Уже 30 сентября 1800 г. коллегия иностранных дел разработала и дала И.М. Макарову наставления по управлению народами, находящимися в его юрисдикции, которые полностью отражают имперскую политику на Кавказе. Так, текст документа гласит: «...иметь ласковое обхождение и оказывать пристойную учтивость, на требования же их отвечать благосклонно и сходственно с Высочайшим Е. И. В. узаконениями и указами; а при том смотреть и наблюдать, чтобы все оные начальники, управляя с кротостию подвластными им ордами и народами по прежним их правам и обыкновениям, которые все оставляются в силе, поступали, не делая никому обид, и ни у кого собственности что кому принадлежит не отнимали ни под каким предлогом и вымыслом...» [2. С. 231].

19 мая 1802 г. была Высочайше утверждена «Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, тухменцах, ногай-

цах, абазинцах и других народах», согласно которой давалось четкое наставление приставам: «...поведение ваше должны вы располагать таким образом, чтоб оно приобретаемая вам личную доверенность тех народов, соответствовало намерению определения вас при них для предохранения их пользы и должного благоустройства» [3]. Как утверждает Л.Г. Свечникова, приставы утверждались из числа русских офицеров, ознакомившихся с обычаями и характером горцев» [4].

Несмотря на столь подробное руководство по управлению иноплеменными народами, уже 8 января 1803 г. кн. П.Д. Цицианов докладывал императору о жалобах на приставов: «Ногайские разных народов татары, выведенные из-за Кубани, поселенные около Бештовых гор, подали мне жалобу на пристава их губернского секретаря Корнилова в отягощении их непосполнительными поборами и всякого рода мздоимством...» [5. С. 986]. Согласно данному рапорту «...пристав Корнилов в корыстовании взятками избирается и, следовательно, подлежит к сменению...». Князь П.Д. Цицианов на эту должность рекомендовал генерал-майора Султан Менгли-Гирея, при этом ходатайствуя перед императором об определении его не в виде частного пристава в ведомстве Главного пристава Макарова, а управляющим бештовскими ногайцами, находящимися в прямом подчинении у Начальника Кавказской линии. По поводу кандидатур на административные должности Цицианов выразил следующее мнение: «...я почитаю полезнейшим определять вообще в приставы людей почетных и известных, ибо от их поведения часто зависит как благосостояние подвластных нам иноплеменных народов, так и спокойствие на Линии» [Там же]. Предложением П.Д. Цицианова от 11 декабря 1803 г. Султан Менгли-Гирей был утвержден на должность начальствующего над ногайскими татарами [6. С. 994].

Отношением от 15 сентября 1803 г. министр внутренних дел В.П. Кочубей на основании донесений Главного пристава И.М. Макарова сообщил князю П.Д. Цицианову о положении кочевых народов на Северном Кавказе, отмечая, что «с открытием в тамошнем краю наместничества, благосостояние народов сих приметным образом начало упадать, с тех пор стали делать им различные утеснения, отбирая кочев-

ные места и реки во владение помещиков и под оброчные статьи, наконец самые приморские берега, заливы и ильмени, где растущий камыш единственное было для них место во время зимы убежище и спасение, под предлогом неудобных мест у них отобраны; оставлена только пустая и безводная степь, в которой с великою трудностью посредством рытья копаней достают нездоровую и горькую воду» [7. С. 993]. Таким образом, уже первоначальные мероприятия царского правительства привели к падению жизненного уровня автохтонного населения, что осознавалось и рассматривалось как проблема, которую попытались решить на законодательном уровне путем установления системы управления, учитывавшей местные особенности, но, к сожалению, кадровый вопрос оставался одним из актуальных практически до начала XX в.

Целью данной статьи является рассмотрение чиновничьего аппарата Иностранного управления Ставропольской губернии. Исследование построено на основе принципов научности и объективности. В качестве методов исследования использованы: библиографический, позволивший проследить траекторию жизненного пути чиновников, и реконструктивный – восстановить отдельные факты и структуру Иностранного управления.

20 октября 1859 г. император утвердил составленный Наместником и рассмотренный Кавказским комитетом новый штат Управления магометанскими кочевыми народами, обитающими в Ставропольской губернии. Данным нормативным правовым актом в связи с упразднением общего Ставропольского Губернского управления все права и обязанности по заведыванию внутренними кочевыми инородцами и надзор за их управлением передавались Начальнику Ставропольской губернии [8]. В связи с передачей калмыков под юрисдикцию Главного пристава Магометанских народов на основании указа от 15 марта 1860 г. должность последнего стала называться Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии, что обусловило разработку и утверждение нового штата. Согласно вновь принятому штатному расписанию общее годовое содержание 36 чиновников Управления, включая 5 частных приставов и 6 их помощников, письмоводителей, переводчиков в приставах, а также фельдшера, сторожа и секретаря при Управлении, отопление, освещение, канцелярские и проездные расходы обходилось в 14 790 руб., из которых чуть менее 15% приходилось на Главного пристава [Там же].

Указанная сумма, определенная на содержание Магометанского управления, первоначально отпускалась из государственного казначейства до того периода, когда главное на Кавказе и за Кавказом начальство признало возможным обратиться их на общественный, принадлежащий магометанскому народу запасный капитал; остальные же 11 903 руб. 68 коп. направлялись из суммы, получаемой инородцами за перевозку казенного для войск Кавказской армии провианта.

Денежные доходы чиновников Управления кочующих народов Ставропольской губернии так же, как и остальных чинов и служащих, зависели от классного чина и занимаемой должности. Содержание скла-

дывалось из нескольких составляющих: непосредственно жалованье, столовые, а также выплачивались прогонные и квартирные. Например, до назначения на должность Главного пристава кочующих народов Алексей Александрович Самойлов являлся воспитателем Тифлисской военной гимназии с доходом, включающим жалованье и столовые в размере 900 руб., добавочные – 240 руб. и квартирные – 228 руб., а всего – 1 368 руб. [9. Д. 779. Л. 15, 17], тогда как доходы по новой должности составили 2 100 руб. В период отпуска для выезда на лечение или по семейным обстоятельствам сроком до двух месяцев жалованье сохранялось.

Все гражданские чины, указанные в данном штате, обязывали носить мундир, присвоенные подведомственным Министерству Государственных Имуществ учреждениям. Следует отметить, что образец мундира, положенный для ношения гражданских чинов на протяжении XIX в., менялся не раз, что закреплялось на законодательном уровне. Так, к нормативным актам, регулирующим форму мундира для гражданских чиновников, относились: Высочайше утвержденное «Положение о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. [10]; «Описания изменениям в форме одежды чиновников гражданского ведомства. Правила ношения сей формы» от 8 марта 1856 г. [11] Указанные законодательные акты оговаривали фасон, цвет, количество пуговиц, их форму, головной убор и обувь чиновников, но изготавливался этот мундир за счет его обладателя, что, несомненно, ложилось тяжким бременем на бюджет государственных чинов. В связи с дороговизной формы, как утверждает Л.Е. Шепелев, она «могла сопутствовать человеку почти всю жизнь – от гимназии или кадетского корпуса до выхода на пенсию (право ношения мундира могло сохраняться)» [12. С. 12].

Из остатков от суммы, определенных приведенным штатом на содержание Управления магометанскими народами, могли быть с разрешения Наместника кавказского по истечении года выдаваемы награды отличившимся усердием к службе чинам, а также направляться и на другие по Управлению надобности. На основании представления Главного пристава кочующих народов, коллежского советника П. Ланко от 4 сентября 1865 г. за № 1822 орденом Св. Владимира 4 ст. были награждены Пристав ачикулак-джембойлуковского, едисанского и едишкульского народов, коллежский ассессор Иван Дмитриевич Эсмонд и его помощник губернский секретарь Рудановский Платон Осипович за ликвидацию банды разбойников, орудовавших в Трухменском и Ачикулакском приставах. Поимку преступников, наводивших «своею отвагою и удалством страх на безоружный кочевой народ», затрудняли «...огромные пространства степной волнистой местности, где не только трудно, но и невозможно нападать на след их без особенного знания местности, что известно только кочевым народам» [13. Д. 1. Л. 1–3 об.]. В качестве проводников привлекали представителей инородцев, отставного капитана, служившего частным приставом в Магометанском управлении Иванова, а также бывшего помощника Караногайского пристава, губернского

секретаря Красновского, которым согласно ходатайству главного пристава была назначена денежная премия из сумм магометанского капитала в размере 100 и 50 руб. серебром соответственно.

По представлению Главного начальника гражданского ведомства на Кавказе 18 февраля 1891 г. императором Александром III Главный пристав кочующих народов полковник А.А. Самойлов был «награжден 3 000 руб. серебром за особенные его заслуги, оказанные деятельностью по управлению кочевыми народами, с отнесением сего расхода, по равным частям на калмыцкий и магометанский общественные капиталы» [13. Д. 236. Л. 5].

Несмотря на создание привлекательных условий для службы в данном ведомстве, следует отметить, что имела место частая сменяемость чиновников на постах, что во многом обуславливалась определенной экстремальностью жизни. Со второй половины XIX в. до начала XX в. на должности Главного пристава магометанских (кочующих) народов Ставропольской губернии сменилось десять человек, тогда как в Управлении калмыцкого народа на должности Главного попечителя калмыцкого народа – 7. Средний возраст вступления в должность главных приставов за указанный период составил 45 лет, а срок их службы – 4,2 года. К примеру, средняя продолжительность службы на посту Главного попечителя калмыцкого народа была 7,1 года. Исключение составили только Алексей Александрович Самойлов, возглавлявший Управление кочующих народов с 11 июля 1878 г. по 20 июля 1891 г., сменивший его на данном посту Михаил Евгеньевич Коневский – с 1891 по 1903 г., и Яков Андреевич Тимофеев – с марта 1864 г. по 16 августа 1871 г., прослуживший с перерывом на два года. С 1866 по 1868 г. должность Главного пристава кочующих народов исправлял П.З. Ланко.

Абсолютное большинство из них прошли военную службу, происходили из дворянского сословия и исповедовали православие. Исключение составляли подполковник Давлет Мурза Магометов Шейх-Али (Давлет-мирза Шейх-Али) – потомственный перво-степенный уздень, мусульманского вероисповедания, а также Яков Андреевич Тимофеев, происходивший из семьи протоиерея. Годы беспорочной службы на благо Отечества позволили ему добиться получения дворянского титула. Представление к награждению орденом св. Станислава 3 ст. в Российской империи до 1855 г. автоматически давало право причисления к дворянскому сословию (личное дворянство). Так, в соответствии с Указом Его императорского величества из Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 26 мая 1853 г. № 3654 Яков Андреевич Тимофеев был признан в дворянском достоинстве. Орден св. Владимира 4 ст., пожалованный Тимофееву за 25-летнюю беспорочную службу 25 ноября 1869 г., производил его в потомственного дворянина.

Если рассматривать семейное положение чиновников, занимавших должность Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии, то следует согласиться с мнением Б.Н. Миронова, отмечавшего: «Что касается чиновников, то они, согласно свидетельствам современников, весьма неохотно свя-

зывали себя семейными узами, многие из них оставались холостяками, и если вступали в брак, то в зрелые годы, и вследствие этого у них было меньше детей, чем в семьях других сословий» [14. С. 179]. Анализ семейного положения главных приставов на протяжении второй половины XIX в. показывает, что абсолютное большинство из них заключали брак, достигнув более 40 лет, около четверти из них были вовсе не женаты. Многодетным отцом из всех главных приставов был только Яков Андреевич Тимофеев, выросший и воспитанный в семье священнослужителя, он имел восьмерых детей. В рапорте ставропольского губернатора Наместнику Кавказскому от 18 декабря 1863 г. за № 7296 в связи с подачей прошения об отставке Главного Пристава кочующих народов В.П. Мевеса представляется кандидатура Я.А. Тимофеева, а также отмечается, что последний «испытывает затруднения в содержании многочисленного его семейства» [15. Д. 91. Л. 6]. При этом около половины главных приставов на момент службы в означенной должности детей не имели совсем.

В своем рапорте об отставке в декабре 1863 г. Главный пристав В.П. Мевес пишет: «...расстроенное здоровье не позволяет продолжать службу в настоящей должности, сопряженной с необходимостью вести кочевую жизнь...» [Там же. Л. 5]. Одновременно Тифлиссский гражданский губернатор от 11 декабря 1863 г. просит ставропольского губернатора уведомить его о том, что «нет ли препятствий на перемещение подполковника Мевеса на службу во вверенную мне Тифлиссскую губернию на просимую им должность (Уездного Начальника)» [Там же. Л. 7].

Подобное прошение на имя императора Александра II 18 февраля 1871 г. подал также следующий Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии Я.А. Тимофеев: «Чувствуя каждодневный упадок сил от расстроенного на службе здоровья, требующего серьезного лечения и при этом совершенного покоя от всяких занятий, я при всем моем желании далее продолжать службу Его Императорского Величества не могу. К сему Почему Всеподданейше прошу, дабы повелено было сие мое прошение принять и меня уволить вовсе от службы в отставку...».

Гражданский губернатор Н.Е. Никифораки в своем рапорте министру внутренних дел от 6 марта 1891 г., проявляя озабоченность тем, что действующий Главный пристав А.А. Самойлов рекомендован на должность Начальника Закатальского округа, ходатайствует о назначении на его место адъютанта и делопроизводителя Ставропольского казачьего юнкерского училища капитана М.Е. Коневского, отмечая: «...замещение должности Главного пристава именно военным офицером в видах достижения лучшего успеха в делах управления почти дикими людьми, какими представляются кочевники, в особенности калмыки» [15. Д. 156. Л. 21]. Канцелярия Главноуправляющего гражданской частью на Кавказе от 29 августа 1891 г. за № 7974 уведомляет ставропольского губернатора Н.Е. Никифораки о назначении 20 июля капитана Коневского исполняющим обязанности Главного пристава кочующих народов, в связи с чем был затребован послужной список последнего. На запрос, сделанный

по этому поводу, начальник Ставропольского юнкерского училища 9 сентября препровождает приказ по училищу, характеризующий М.Е. Коневского только с положительной стороны, отмечая его как «выдающегося знатока и образцового исполнителя военного законодательства...» [15. Д. 156. Л. 25–26].

Процедура увольнения включала прием-передачу от увольнявшегося Главного пристава к получившему назначение, в случае отсутствия последнего прием осуществлял чиновник особых поручений от Управления кочующих народов, по результатам составлялось донесение на имя гражданского губернатора о том, «что первый из нас сдал, а второй принял должность Главного Пристава на законном основании с передачу последнему сумм, значущихся по денежным книгам» [Там же. Д. 91. Л. 12].

О кадровых перестановках, в том числе в структуре Управления кочующими народами, население оповещалось через периодическую печать. Так, например, на страницах газеты «Ставропольские губернские ведомости» от 7 ноября 1881 г. была опубликована следующая информация официального характера: «По Управлению Главного Пристава кочующих народов Ставропольской губернии. Увольняется: от должности и вовсе от службы, согласно прошению письмоводитель Ачикулакского приставства канцелярский служитель Иван Рябов с 1 сего ноября. Перемещается: письмоводитель Трухменского приставства, губернский секретарь Иван Молчанов – письмоводителем Караногайского приставства канцелярский служитель Василий Калецкий – на таковую же должность в Ачикулакском приставстве, оба с сего ноября. Определяется: отставной штабс-капитан Александр Скальский письмоводителем в Трухменское приставство с 11 сего ноября» [16. С. 2].

Назначение на должность, так же как и получение чина, частными приставами и попечителями происходило двумя путями: первый – приказ губернатора (как правило, в отношении тех, кто обращался с прошением о переводе) и второй – представление возможной кандидатуры со стороны Главного пристава на рассмотрение ставропольского губернатора. Например, Главный пристав кочующих народов уведомляет Попечителя Большедербетовского улуса К.А. Игнациуса о том, что «Резолюцией Г. Начальника губернии от 30 ноября 1904 г. Вы назначены на должность Ставропольского Уездного Исправника, а секретарь вверенного мне Управления коллежский секретарь Мишин также резолюцией Г. Губернатора от 10 сего декабря допущен к временному исполнению обязанностей Попечителя Большедербетовского улуса, впредь до утверждения его в этой должности» [17. Д. 181. Л. 1].

Уже 20 января 1905 г. Главный пристав направляет Н.В. Мишину уведомление о назначении распоряжением министра внутренних дел от 29 декабря 1904 г. Попечителем Большедербетовского улуса [Там же. Д. 181. Л. 2]. В августе 1905 г. уже Попечитель улуса Н.В. Мишин в рапорте на имя Главного пристава докладывая о том, что он был представлен в марте-апреле 1903 г. к производству в чин титулярного советника, просит выяснить причину, по которой

не состоялось производство». В XIX в. титулярные советники, как правило, занимали должности старших помощников столоначальников в департаментах министерств, старших помощников секретарей, протоколистов, регистраторов и переводчиков в Сенате, вице-консулов и т.д. [12. С. 67]. Задержка чина вызвала закономерное беспокойство, так как именно чин титулярного советника давал право на приобретение дворянского звания, которое в свою очередь приносило ряд преимуществ материального характера. По данным, представленным в «Кавказском календаре» на 1907 г., Николай Васильевич Мишин – Попечитель Большедербетовского улуса уже значится в чине титулярного советника [18. С. 159]. Кроме того, 6 декабря 1906 г. Высочайшим приказом Н.В. Мишина наградили орденом Св. Анны 3-й ст., который давал право на получение личного дворянского звания.

Согласно уведомлению от 8 августа 1892 г. за № 1575 Главный пристав сообщает попечителю Большедербетовского улуса о том, что «приказом Ставропольского губернатора от 7 сего августа потомственный почетный гражданин Яков Дуброва допущен к временному исполнению должности второго Помощника Попечителя» [19. Л. 4]. Уведомление же Главного пристава об утверждении Я. Дубровы на данной должности было произведено 23 января 1893 г. за подписью губернатора, генерал-майора Н. Никифораки [Там же. Л. 21].

Вручение классного чина сопровождалось торжественным приведением получающего к присяге и подписанием печатной формы присяжного листа, который затем направлялся в Правительствующий Сенат. 4 апреля 1851 г. в Большедербетовское улусное управление поступило предписание, согласно которому Попечитель улуса Владышевский произведен в чин надворного советника, а «о вычете из его жалованья, следующих за повышение чином денег, Управление получит особое предписание» [17. Д. 39. Л. 1]. В данном случае речь идет о своего рода организационном взносе, который полагался к оплате за получаемый классный чин. Каждому чину соответствовал свой правовой статус, при выходе на пенсию или увольнении от службы права и привилегии согласно присвоенному ему чину сохранялись.

Злоупотребление служебным положением, используя неграмотность управляемым народом, а также невыполнение должностных обязанностей со стороны чиновников однозначно имели место. Так, согласно распоряжению Ставропольского губернатора Г.К. Властова было выдано прогонных в размере 100 руб. и суточных сроком на три месяца старшему чиновнику особых поручений, коллежскому секретарю Толгскому и переводчику, состоящему при Управлении, коллежскому асессору Шехмаметову с целью поездки в Караногайское приставство «для производства дознания о беспорядках...» [13. Д. 53. Л. 1]. До назначения на пост губернатора Георгий Константинович зарекомендовал себя высокообразованным, дисциплинированным и строгим чиновником, который выполнял в том числе секретные поручения о злоупотреблениях должностных лиц.

В начале второй половины 60-х гг. XIX в. старшим чиновником особых поручений при Ставропольском Гражданском губернаторе, коллежским ассессором и кавалером Артамоновым производились следственные мероприятия по делу о нарезке 500 десятин земли чинам магометанского управления. В ходе следствия были выявлены два приговора общества трухменского народа от 5 декабря 1864 г. и ачикулак-жембойлуковского, едисанского и едишкульского народов от 5 июня 1865 г., в соответствии с которыми была проведена нарезка земли. Обоснованием такого решения, закрепленного в приговоре трухменского общества, послужило то, что «средства их в отношении содержания по дороговизне здесь продуктов весьма ограничены» [21. Д. 4956. Л. 2]. Другой приговор был составлен по «примеру трухменского...» [20. Д. 4956. Л. 8]. В то же время Караногайский пристав, титулярный советник И.И. Гоглазин уведомляет Артамонова о том, что подобных решений на сходах о выделении земли в пользование чиновников приставства не принималось. Следует отметить, что, согласно объяснениям помощника Трухменского пристава Киреева Артамонову была представлена копия приговора, тогда как подлинник найти не смогли и землей практически не пользовались, за исключением прошлого года [Там же. Л. 12 об.]. Сложно предположить, что в условиях дефицита плодородных земель и значительного объема налоговой нагрузки общества могли инициировать передачу земли чиновникам «навсегда без платы» [Там же. Л. 2], как отмечалось в трухменском приговоре.

В отношении Частного пристава Караногайского народа штабс-капитана Д.Я. Зазулевского его помощником Д.В. Самборским были выдвинуты обвинения «в разных злоупотреблениях», таких как вымогательство 2 000 руб. с лиц, избранных на общественные должности, а также 500 руб. за освобождение арестованного народного казначея Аубекира Кара Аджиева; удержание 10% с сумм, выдаваемых ногайцам из средств вспомогательной кассы для личного обогащения; незаконная сдача в аренду земельных участков. Кроме того, командированному чиновнику следовало разобраться по факту двух «просьб», поданных ногайцами. Если в первом прошении содержалась жалоба на Пристава Дмитрия Яковлевича Зазулевского, подписанная 111 ногайцами, то во втором случае 70 человек подписались под тем, что никаких притеснений со стороны последнего не было. В ходе расследования путем дознания на местах и изучения делопроизводственной документации как Управления Главного пристава кочующих народов, так и Караногайского приставства, проведенного чиновником особых поручений Толгским, было выяснено о фактах злоупотребления служебным положением Д.Я. Зазулевским, что было отражено на страницах рапорта, поданного 9 октября 1871 г. На основании распоряжения губернатора от 11 октября 1871 г. за № 289 Караногайский пристав Д.Я. Зазулевский был отстранен от занимаемой им должности и на его место назначен помощник Молчанов [13. Д. 53. Л. 10–11]. Таким образом, следует сделать вывод о том, что данный чиновник в целях личного обогащения путем

подкупа добился поддержки незначительной части населения, тем самым пытаясь обеспечить себе авторитет у начальства. Подобные факты незаконного вымогательства чиновниками Инородческого управления денежных средств у подведомственного населения были далеко не единичны. Начальник Ставропольского жандармского управления от 8 июня 1874 г. за № 120 и с отметкой «Конфиденциально» сообщает Ставропольскому губернатору о незаконных действиях Караногайского пристава Х.В. Чернядьева в отношении населения. Эти действия заключались в следующем: «1, выдавая ногайцу в суду касовые деньги, оставляет в свою пользу с каждого рубля по 10 коп.; 2, извлекает в свою пользу часть сарацинского зерна от беднейших ногайцев, занимающихся посевом такового на затеречном участке; 3, 13 апреля сего года, созвав к себе всех Аксакалов, избранных обществом в 1873 г. как бы для новых выборов, потребовал от них с каждого по 150 руб., которые не дали удалил от должности» [15. Д. 123. Л. 1 об.]. При этом руководитель правоохранительного органа отмечает в документе, что он только доводит до сведения о действиях нижестоящих чинов и представляет разрешение ситуации на усмотрение губернатора. Следует отметить, что титулярный советник Х.В. Чернядьев прослужил в данной должности еще три года и подал прошение об отставке, сославшись на состояние здоровья.

Приведенный ряд фактов, разоблачающих действия чиновников, не может служить аргументом в подтверждение сплошного злоупотребления служебным положением. Между тем, по мнению Л.Ф. Писарькова, «материальная необеспеченность толкала чиновников на путь должностных преступлений, главным из которых было взяточничество. Связь между низкими окладами чиновников и должностными преступлениями признавалась в правительственных кругах» [21. С. 137]. Например, обстоятельства следующего служебного разбирательства являются тому доказательством. 3 января 1906 г. в канцелярию ставропольского губернатора поступила жалоба от крестьян села Арзгир. Суть указанного документа заключалась в том, что Трухменский пристав А.Л. Добрыня незаконно продал посевы хлеба, принадлежащего арзгирцам. Далее этот же пристав и Главный пристав кочующих народов А.А. Польский обвинялись в получении взятки от инородцев, в практике которых бытовал «...обычай собирать деньги поголовно, и эти деньги передаются богачам инородцам, а те добавляют от себя тысячи и все эти деньги отдают должностным лицам начальствующим над инородцами, якобы подарок от инородцев своим начальникам, чрез это к инородцам особое внимание и покровительство...» [9. Д. 3135. Л. 6]. Анализ следственных материалов показывает, что хлеб был засеян крестьянами села Арзгир в нарушение всех процессуальных норм, регулирующих передачу в аренду оброчных земель. Между тем Помощником Трухменского пристава было объявлено Арзгирскому волостному правлению: «...если означенные посевы действительно были сделаны кем-либо из его членов, то виновные должны к 25 июня

представить Помощнику Трухменского пристава деньги для обращения по принадлежности...» [9. Д. 3135. Л. 2]. При этом в случае непоявления собственников посевов предполагалась их продажа, что и было сделано. В связи с обращением 19 июня Земского начальника Наркевича к Главному приставу М.Е. Коневскому с просьбой «в виду полного неурожая хлебов в селе Митрофановском и бедности крестьян этого села, передать посевы самовольщиков митрофановцам по 8 руб. за дес.» [Там же. Д. 3135. Л. 2 об.].

Главный пристав кочующих народов 26 мая 1906 г. обратился к Ставропольскому губернатору с просьбой привлечь жалобщиков к ответственности за ложный донос.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что губернские власти, заинтересованные в благополучии управляемого ими народа и поддержании мира и порядка, своевременно назначив служебную проверку, тем самым снискали уважение со стороны кочевников и поддержали авторитет власти на местах.

Особенные условия имперской окраины, каковой являлась Ставропольская губерния, требовали от Гражданского губернатора качественного подбора кадров, которые могли бы нести службу по управлению кочевыми народами, отличавшимися не только способом хозяйствования, но и этнической и конфессиональной принадлежностью. Характеризуя чиновничество на Северном Кавказе в первой половине XIX в., С.В. Фарфоровский писал, что молодые люди «стремятся на Кавказ потому, что здесь выслужиться и получить чины, кроме того здесь вообще легче получить *место*... заставить служить людей с отличными способностями и нравственностью, не представляется никакой возможности...» [22. Л. 6]. В заключительной части отчета за 1859 г. губернатора П.А. Брянчанинова отмечается, что «делопроизводство почти по всем присутственным местам Ставропольской губернии неудовлетворительно, главнейшею причиною чего отчасти увеличившаяся по разным случаям переписка и отчасти недостаток опытных чиновников» [23. Л. 356 об.]. Этот вывод П.А. Брянчанинов сделал в конце первого десятилетия второй половины XIX в., но следует отметить, что данная проблема имела актуальность на всем протяжении XIX столетия. В декабре 1899 г. Главный пристав кочующих народов циркулярно направляет предписание приставам и попечителю о необходимости приведения в единообразие делопроизводственную документацию «...помимо указания числа, месяца и номера непременно излагать и краткое содержание переписки» [17. Д. 155. Л. 85]. Подобного рода требования были вызваны не только необходимостью систематизации, но и ускорения процесса решения тех или иных вопросов. Как показывает практический опыт, зачастую рассмотрение различного рода прошений настолько затягивалось, что в конечном итоге теряло свою актуальность для просителей. Кроме того, изложение краткого содержания переписки являлось характерным признаком делопроизводства указанного периода, т.е. коллежский порядок составления официальных бумаг, при

котором каждый последующий документ, создаваемый в ходе процесса решения отдельно взятого вопроса, дублирует текст предыдущего.

При вступлении в должность Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии уведомлял подведомственных ему попечителя и приставов о своем «намерении обозреть вверенное мне Управление для ознакомления с народом и делами оно» [17. Д. 61. Л. 3].

В ходе службы во вверенном ему Управлении Главный пристав для поездки по территории кочевания подведомственных ему народов должен был уведомить гражданского губернатора о сроках и цели поездки. Так, Главный пристав подполковник П.Н. Иванов 16 марта 1859 г. направляет губернатору П.А. Брянчанинову рапорт с просьбой о разрешении ему выехать «...для обозрения вверенного мне магометанского народа в назначенные для каждого сроки... для совещания с ними по народным делам, для выслушания их просьб и разбирательств, претензий по разным их нуждам...» [20. Д. 3880. Л. 1а]. Положительный ответ со стороны Канцелярии губернатора последовал только 30 июня того же года, тогда как в рапорте указывались сроки проведения встреч с народом в каждом приставстве на апрель, о чем были уведомлены частные приставы на местах [Там же. Л. 3–4].

На практике не всегда главные приставы получали одобрение со стороны Гражданского губернатора своего намерения «выехать в народы», несмотря на то, что в соответствии с § 19 «Устава для управления ногайцами и другими магометанами, кочующих в Кавказской области» четко оговорена обязанность Главного пристава «...по крайней мере два раза в год обозреть состояние всех подведомственных ему народов» [24]. В фонде «Главный Пристав кочующих народов Ставропольской губернии» Государственного архива Ставропольского края отложился весьма интересный документ – письмо генерал-адъютанту Его Императорского Величества, князю Григорию Дмитриевичу Орбелиани от Главного пристава кочующих народов, написанное 31 мая 1865 г., подписанное секретарем. К письму приложено предписание Гражданского губернатора от 28 мая 1865 г., в котором значится: «По рассмотрении дел о беспорядках и о злоупотреблениях по магометанскому Управлению я предписываю Вам все распоряжения по этому управлению, которые Вы предполагали бы делать не приводить в действие, не испросив предварительно моего разрешения, а в особенности в делах, сопряженных с денежным интересом. В народы же вообще из Ставрополя не выезжать» [25. Д. 210. Л. 1]. Исходя от даты подписания документа, должность губернатора занимал Константин Львович Пашенко, а Главного пристава – Яков Андреевич Тимофеев. В самом же письме автор пишет: «...с мая месяца прошлого года, а именно с первых дней вступления моего в надлежащую должность я до сего времени не был в народах, как об этом имел честь донести в рапорте моем от 25 сего мая за № 975, я до сего времени не знаю, что за беспорядки во вверенном мне управлении, какие именно злоупотребления, кем они допущены и в какое время; точно так же мне неизвестно и того, что

за цель была у Г. Начальника губернии меня на этой должности с первого дня моего вступления в оную лишить власти и оставить без всякого внимания все мои предположения к улучшению быта народного, доверив управление большей частью избранным чиновникам, которые вместе с тем позволяют быть начальниками, ревизорами и судьями моих действий...» [25. Д. 210. Л. 3–3 об.]. Дальнейший текст письма позволяет сделать вывод о том, что между чиновниками канцелярии губернатора и магометанского управления имело место крайне напряженное отношение друг к другу, со взаимными обвинениями, что в конечном итоге не могло привести к положительным изменениям в управляемых ими народах. К сожалению, реакция князя Орбелиани неизвестна, но Главный пристав кочующих народов Я.А. Тимофеев прослужил на этой должности 7 лет.

В ходе инспектирования дел в приставствах Главный пристав большое внимание уделял состоянию делопроизводства в канцеляриях, что позволяло судить об эффективности деятельности чиновников на местах. Так, например, по результатам проверки Главный пристав Я.А. Тимофеев в своем письме Трухменскому приставу от 20 апреля 1870 г. отмечает, что «при ревизии мною денежных книг и документов... я во всем заметил исправность. Варанов исполняет свои обязанности добросовестно и с усердием, а потому предлагаю... объявить ему мою искреннюю благодарность за его усердие» [Там же. Д. 437. Л. 4]. В то же время было проверено состояние дел в Караногайском приставстве, пристав которого Д.Я. Зазулевский находился под следствием и был отстранен от обязанности частного пристава исполнял Д.В. Самборский. Главный пристав кочующих народов Я.А. Тимофеев в предписании на имя помощника пристава караногайского народа Д.В. Самборского писал: «Рассмотрев находящиеся у Вас в производстве следственно-уголовные дела, я нашел, что они в настоящее время производятся медленно и без должного внимания. Из прилагаемой при сем заметки Вы увидите о тех упущениях, кои были замечены мною по делам и должны быть исправлены... предлагаю... стараться на будущее время не допускать таковых и заниматься делами с большим усердием и вниманием» [Там же. Л. 17].

За допущение фактической ошибки в официальном документе со стороны письмоводителя Большедербетовского улуса А.А. Якобсона, выявленной Главным приставом кочующих народов А.А. Самойловым, «закрывающейся в том, что он вместо 18 июня написал 18 июля и чрез то сделал содержание бумаги не верным», последним было предложено Попечителю Большедербетовского улуса объявить выговор «за небрежное исполнение лежащих на нем обязанностей» [17. Д. 103. Л. 3]. В ответ на предписание А.А. Самойлова от 13 сентября 1888 г. исполняющий обязанности Попечителя улуса П.П. Сахаров направляет ответ, что выговор Якобсону был сделан 18 сентября.

Нарушение исполнительской дисциплины являлось актуальной проблемой в чиновнической среде Ставропольской губернии, что вызвало необходи-

мость применения строгих мер, о чем было указано в циркуляре губернатора Н. Никифораки от 6 декабря 1888 г. за № 11875. Так, в вводной части отмечалось: «Ввиду неоднократно замеченного неисполнения подведомственными мне местами и лицами подтвержденных предписаний о скорейшем представлении требуемых сведений, объяснений и т.п., не взирая даже на посылку повторений с назначением сроков на исполнение предписаний, – я вынужденным нахожусь напомнить этим местам и лицам, что не только они сами подвергают себя такой медленностью ответственности по стат. 331 и 2 ч. 336 ст. Уложения о наказ. уголов. и исправ., но и начальства, пославшие сие предписания и не привлечшие виновных к означенной ответственности, также подлежат взысканиям...» [17. Д. 108. Л. 2].

Правила требовали подачу рапорта нижестоящего служащего вышестоящему с прошением об отпуске и с указанием его причины, выезде на лечение и по другим, в том числе семейным причинам. В соответствии с правовыми нормами, регулирующими гражданскую службу, «запрещается лицам, состоящим в службе как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальства, удостоверенного письменным свидетельством» [26. С. 2]. Вышестоящие чины должны были быть осведомлены практически о всех сторонах жизни своих подчиненных. Так, например, согласно рапорту на имя Главного пристава кочующих народов от 11 октября 1888 г. за № 1851 попечителя Большедербетовского улуса, который испрашивал разрешение «на вступление в первый законный брак письмоводителя Улусного управления А.А. Якобсона с дочерью отставного вахмистра, девицею Александрой Миროновной Михайловой», при этом отмечается, что с его стороны «не имеется препятствий» [17. Д. 103. Л. 15]. Согласно нормам семейного права при заключении брака, без наличия на то согласия начальства, не влекло за собой признание его недействительности, между тем это грозило лицам, состоящим на гражданской службе, негативными санкциями с занесением в послужной список [27. С. 67]. По мнению А.Д. Кузьмина, «эта норма возникла в процессе формирования бюрократического аппарата и имела цель контролировать государственных служащих как носителей государственной власти» [28. С. 70].

Закономерно, что люди стремились туда, где более комфортные условия проживания и имелась возможность дальнейшего карьерного роста. На протяжении всего XIX в. и в начале XX в. Северный Кавказ, а особенно его степная часть рассматривались чиновниками как трамплин для продвижения по службе. На основании ходатайства Попечителя Большедербетовского улуса И.И. Воронова решением Ставропольского губернатора от 4 ноября 1880 г. за № 1964 он был переведен Приставом Караногайского приставства, а Пристав Караногайского приставства Ф.А. Влесков – Попечителем Большедербетовского улуса. Каждый из них в означенных должностях прослужил не более двух лет. Подобная географическая мобильность являлась характерной чертой чиновников, управлявших кочевыми народами Ставропольской губернии, что, на наш взгляд, не могло принести пользы для населения.

С увеличением официального документооборота и при всех законодательно закрепленных обязанностях нагрузка на попечителя и частных приставов требовала помощи со стороны помощников, положенных по штату. Но реалии времени в сочетании с личными предпочтениями и возможностями чиновников порой диктовали свои условия, при которых остро стоял вопрос дефицита кадров.

Правительство стремилось привлечь квалифицированные и опытные кадры для службы на Кавказе, законодательно закрепляя льготы для чиновничества. Так, например, согласно главе IX «Особенные преимущества служащих чиновников в Кавказской области» Высочайше утвержденного Учреждения для управления Кавказской области предусматривалась выплата прогонных средств за проезд по почтовым дорогам на любые расстояния; для направляемых на службу по распоряжению Гражданского губернатора в область чиновникам выплачивалась треть жалованья по новому месту назначения, которое, как правило, при повышении должности соответственно росло; по прибытии к месту новой службы выплачивалась еще треть от жалованья; служба на Северном Кавказе в течение пяти лет давала право на получение ордена Св. Владимира 4-й ст., на общих условиях полагалась служба в течение семи лет. Десять лет беспорочной службы, «начиная со звания Начальника стола», давали чиновнику право при выходе на пенсию получать выплату в размере трети от последнего жалованья, тогда как прослужившим двадцать лет – половину размера. Имеющие стаж гражданской службы в Кавказской области, равный тридцати годам, имели право на получение полного пенсионного или на получение земли по представлению Главноуправляющего на Кавказе. При службе после выхода в отставку, т.е. на пенсию, после тридцатилетнего срока службы, «пенсии производятся сверх определенного по месту жалованья». В соответствии с положением § 220 рассматриваемого «Учреждения» «служба, сопровождаемая поведением предосудительным чести и званию, судом обнаруженным, лишает права на сии преимущества» [24].

Согласно § 70 «Устава о пенсиях и единовременных пособиях», утвержденного 6 декабря 1827 г., чиновник, уходя в отставку, подает прошение об увольнении его со службы и заявляет о своих правах на пенсию или единовременное пособие. Так, например, Главный пристав кочующих народов В.П. Мевес в своем прошении об отставке на имя императора от 18 декабря 1863 г. пишет: «...прошу сохранить мой пенсион за раны, полученные мною на службе...» [15. Д. 91. Л. 1].

После подписания императором прошения об отставке Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии канцелярия производила расчет размера пенсии на основании «Списка представляемого к увольнению от службы». Форма данного «Списка» содержала следующие сведения: 1) ФИО; 2) по каким обстоятельствам представлен к увольнению; 3) сколько находился на действительной службе; 4) сколько времени находился в походах и сражениях.

Размер пенсионного обеспечения Главного пристава кочующих народов Петра Николаевича Иванова, происходившего из дворян Санкт Петербургской

губернии, кавалера орденов Св. Анны 2-й и 3-й ст., Св. Владимира 4-й ст. и Св. Станислава 4-й ст., прослужившего 36 лет, 3 месяца и 22 дня, составил 511 руб. 43 коп. серебром. Жалованье его по последнему месту службы на должности Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии, утвержденное 20 октября 1859 г., составляло 1 500 руб. и столовых 600 руб. серебром в год [15. Д. 57. Л. 35].

М.Е. Коневский, будучи Главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии, не раз выражал беспокойство по поводу компетенции чиновников инородческого Управления, указывая служащим чиновникам на необходимость повышения квалификации в связи с имевшей место текучестью кадров. В практике инородческого Управления имеется множество примеров вертикальной социальной мобильности чиновников, проходивших службу от письмоводителя управления до попечителя или частного пристава. Так, Н.В. Мишин, начинал с должности секретаря Управления, далее нес службу в Большедербетовском улусе – Попечителем, затем стал Помощником Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии.

С конца XIX – в начале XX в. в составе инородческого управления, а также в штате улусного попечителя и частных приставов на местах появляются национальные кадры, получившие образование и поступающие на службу толмачами, переводчиками и письмоводителями. В 1906 г. в структуре органов исполнительной власти на должностях переводчиков служили: в Большедербетовском улусе – Эрдени Санджиев, в Трухменском приставстве – Эреджеп Ниязиков, в Ачикулакском приставстве – Стамбул-Мухомбет Отемисов [29. С. 194]. Бывший переводчик штаба войск Кавказской Линии и Черномории Давлет Мирза Шихалиев впоследствии стал приставом карангайского народа.

Министром государственных имуществ на рассмотрение Государственного совета, состоявшегося 12 июня 1886 г., был подан проект нового штата Управления кочевыми народами Ставропольской губернии, Высочайше утвержденный и введенный в действие с 1 января 1887 г. [30]. В соответствии с вновь утвержденным штатом на содержание Управления кочевыми народами предусматривалось 29 455 руб., из них 25 335 руб. – Управления магометанскими народами из денежного сбора повинностей, взимаемого с магометанских народов на основании ст. 575 Учреждения управления инородцев [31], 4 120 руб. – на содержание Большедербетовского улусного управления из сбора калмыков, определенного ст. 713 Устава о земских повинностях [32] и общественного калмыцкого капитала. В итоге получается, что содержание Управления кочевыми народами, а также управлений приставов и попечителя государственной казне обходилось в ноль рублей, все средства выделялись из общественного капитала. При этом, по утверждению современников, «все служащие в инородческом управлении получают, как говорят ставропольцы, «не русские, а инородческие оклады» [33. С. 113].

Таким образом, как показывает анализ использованных источников, имперское правительство в процессе интеграции окраинных территорий государства использовало различные подходы к установлению си-

стемы управления и привлечения достойных кадров, начиная от законодательного закрепления льгот и привилегий, а также сохранения элементов традиционного управления. К примеру, в названии должностей сохранялась этническая особенность, попечитель Большедербетовского улуса – должностное лицо исполнительной власти по управлению калмыками, а также должностные лица органов местного самоуправления, которые будут рассмотрены впоследствии.

Следующим аспектом управленческой политики на региональных окраинах имперских властей являлось привлечение немногочисленных национальных кадров, оставивших свой позитивный след в истории как народа, так и региона в целом. Между тем делопроизводственная документация свидетельствует об имевших место злоупотреблениях служебным положением, дефиците и частой сменяемости чиновников на местах и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев, ногайцев и других азиатских народов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 19536. 873 с.
2. Извлечение из наставления, данного из Государственной коллегии иностранных дел определенному в делах калмык и других азиатских народов, кол. с. Макарову // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / под ред. А.Д. Берже. Т. 1. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника, 1866. С. 727–231.
3. Высочайше утвержденная Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, трухменцах, ногайцах, абазинцах и прочих народах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVII, № 20.271. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1120 с.
4. Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.) Ставрополь : АРГУС, 2003. С. 74–75.
5. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 8 января 1803 г. // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II / под ред. А.Д. Берже. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
6. Предложение кн. Цицианова ген-м. Султану Менгли-Гирею, от 11 декабря 1803 г., № 73 // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II / под ред. А.Д. Берже. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
7. Отношение гр. Кочубея к кн. Цицианову 15 сентября 1803 г., № 4408 // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II / под ред. А.Д. Берже. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
8. Высочайше утвержденный штат Управления Магометанскими кочевыми народами, обитающими в Ставропольской губернии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIV, № 34988. Отделение первое. СПб. : Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1861. 839 с. С. 159.
9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4.
10. Высочайше утвержденное Положение о гражданских мундирах 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. № 6860. Отделение первое. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1835. С. 168–181.
11. Описание изменений в форме одежды чиновников гражданского ведомства. Правила ношения сей формы от 8 марта 1856 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXI, № 30247. Отделение первое. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 120–121.
12. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М. : Наука, 1991. 228 с.
13. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5.
14. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). Генезис личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 547 с.
15. ГАСК. Ф. 101. Оп. 3.
16. Ставропольские губернские ведомости. 7 ноября 1881 г. № 45. С. 2.
17. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-21. Оп. 1.
18. Кавказский календарь на 1907 г. / под ред. Д.Д. Пагирева. Тифлис : Типография К.П. Козловского, 1906. 828 с.
19. ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 26
20. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1.
21. Писарькова Л.Ф. Российские чиновники на службе в конце XVIII – начале XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 121–139.
22. Фарфоровский С.В. Из быта чиновничества в дореформенной время. Ставрополь-Кавказский : Электронпечатня Вайнблат, 1910. 6 с.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 10. 1861 г. Д. 16.
24. Высочайше утвержденное Учреждение, для управления Кавказской области // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II, № 878. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1138 с.
25. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2.
26. Уставы о службе гражданской. Т. III. Ч. 1 // Свод Законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный в 15 т. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 604 с.
27. Григоровский С. О браке и разводе. Сборник церковных и гражданских законов с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных определений Святейшего Синода. СПб. : Синодальная Типография, 1912. 327 с.
28. Кузьмин А.Д. Матримониальные связи и демографическое поведение чиновников белорусских губерний (1864–1914) // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 69–75.
29. Кавказский Календарь на 1906 г. / под ред. Д.Д. Пагирева. Тифлис : Типография К.П. Козловского, 1906. 629 с.
30. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О новом штате управления кочевыми инородцами Ставропольской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VI, № 3813. СПб. : Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1888. 595 с.
31. Учреждение Управления Ставропольской губернии // Свод законов Российской империи. Т. II, ч. II. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 748 с.
32. Уставы о повинностях // Свод законов Российской империи. Т. IV. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 846 с.
33. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

Officials of the Foreign Office of Stavropol Province in the System of the Imperial Power

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 132–142.

DOI: 10.17223/15617793/443/17

Irina V. Lidzhieva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation). E-mail: irinalg@yandex.ru

Keywords: Foreign Office; Chief Bailiff of nomadic peoples; Stavropol Province; private bailiffs; officials.

The aim of this article is to consider the bureaucracy of the Foreign Office of Stavropol Province. Early in the second half of the 19th century, the highest imperial authorities in fact established a legal framework regulating the process of organizing administration structures of Stavropol Province which supervised nomadic peoples: the Nogais, the Turkmen and the Kalmyks. Each of these peoples was under the direct control of a private bailiff or a trustee subordinate to the Chief Bailiff of the nomadic peoples. The research is based on the principles of scientificity and objectivity. The research methods were bibliographic, which allowed to trace the trajectory of the life path of officials, and reconstructive, which allowed to restore individual facts and the structure of the Foreign Office. In the course of the research, on the basis of the analysis of legislative acts, office documentation and official lists of the Foreign Office officials, the author focuses on the corps of Chief Bailiffs of the second half of the 19th – early 20th centuries, their official activities and facts from personal biography. The transition to settlement was one of the main tasks of the Foreign Office, it was solved thanks to the officials who cared for people: first settled communities began to form. Despite the attractive conditions for service in the Office, there was a frequent turnover of officials at the posts, which was largely due to a certain extreme life. Practical experience shows that among the officials there were so-called “random” people who only wanted to become rich, often by criminal means, and used their official position and illiteracy of the population they supervised. It is natural that people aspired to go to places with more comfortable living conditions and with opportunities of further career growth. Throughout the 19th and the beginning of the 20th centuries, officials saw the North Caucasus, especially its steppe part, as a springboard for promotion. In conclusion, the author states that the imperial government was interested in the effective integration of the borderlands of the state and sought to employ decent personnel familiar with the traditions and customs of the peoples, including those of the Steppe Ciscaucasia. In addition, there was a trend of synthesis of traditional and imperial administration systems, which was expressed in the titles of the positions, which preserved ethnic features, e.g., the Trustee of Bolshederbetovskiy Ulus.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1830) Ob opredelenii kollezhskogo sovetnika Makarova k upravleniyu delami kalmyk, kabardintsev, trukhmentsev, nogaytsev i drugikh aziatskikh narodov [On the appointment of the collegiate adviser Makarov as manager of the affairs of the Kalmyks, the Kabardians, the Trukhmen, the Nogais and other Asian peoples]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. XXVI. 19536. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
2. Berzhe, A.D. (ed.) (1866) Izvlechenie iz nastavleniya, dannogo iz Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del opredelennomu v delakh kalmyk i drugikh aziatskikh narodov, kol. s. Makarovu [Extract from the instruction given by the State Board of Foreign Affairs to the manager of the affairs of the Kalmyk and other Asian peoples, the collegiate adviser Makarov]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 1. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
3. Russian Empire. (1830) Vysochayshe utverzhdeniya Instruktziya Glavnomu Pristavu pri kochuyushchikh v Astrakhanskoy gubernii kabardintsev, trukhmentsakh, nogaytsakh, abazintsakh i prochikh narodakh [Highly Approved Instructions to the Chief Bailiff of the Kabardians, the Trukhmen, the Nogais, the Abazins and other nomadic peoples of Astrakhan Province]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. XXVII. 20.217. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
4. Svechnikova, L.G. (2003) *Obychay v pravovoy sisteme (na materialakh pravovogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v XIX v.)* [A custom in the legal system (on the materials of the legal development of the peoples of the North Caucasus in the 19th century)]. Stavropol: ARGUS. pp. 74–75.
5. Berzhe, A.D. (ed.) (1868) Vsepoddanneyshiy raport kn. Tsitsianova, ot 8 yanvarya 1803 g. [A devoted report of Prince Tsitsianov of January 8, 1803]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 2. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
6. Berzhe, A.D. (ed.) (1868) Predlozhenie kn. Tsitsianova gen-m. Sultanu Mengli-Gireyu, ot 11 dekabrya 1803 g., № 73 [Offer of Prince Tsitsianov to Mayor General Sultan Mengli Giray, December 11, 1803, No. 73]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 2. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
7. Berzhe, A.D. (ed.) (1868) Otnoshenie gr. Kochubeya k kn. Tsitsianovu 15 sentyabrya 1803 g., № 4408 [A letter of request from Count Kochubey to Prince Tsitsianov, September 15, 1803, No. 4408]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 2. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
8. Russian Empire. (1861) Vysochayshe utverzhdenyy shtat Upravleniya Magometanskimi kochevymi narodami, obitayushchimi v Stavropol'skoy gubernii [Highly Approved verified staff of the Office of the Mohamedan nomadic peoples living in Stavropol Province]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. XXXIV. 34988. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
9. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 4. (In Russian).
10. Russian Empire. (1835) Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o grazhdanskikh mundirakh 1834 g. [Highly Approved Regulations on Civil Uniforms of 1834]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. IX. 6860. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
11. Russian Empire. (1857) Opisaniya izmeneniyam v forme odezhdyy chinovnikov grazhdanskogo vedomstva. Pravila nosheniya sey formy” ot 8 marta 1856 g. [Descriptions of changes in the form of clothing of civil servants. Rules for wearing this form of March 8, 1856]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. XXXI. 30247. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
12. Shepelev, L.E. (1991) *Tituly, mundiry, ordena v Rossiyskoy imperii* [Titles, uniforms, orders in the Russian Empire]. Moscow: Nauka.
13. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 5. (In Russian).
14. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [The social history of Russia in the period of the empire (18th – early 20th centuries). The genesis of a personality, a democratic family, a civil society and the rule of law: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
15. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 3. (In Russian).
16. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. (1881) 7 November. 45. pp. 2.
17. National Archive of the Republic of Kalmykia. Fund I-21. List 1. (In Russian).

18. Pagirev, D.D. (ed.) (1906) *Kavkazskiy kalendar' na 1907 g.* [The Caucasian calendar for 1907]. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo.
19. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 249. List 1. File 26. (In Russian).
20. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 1. (In Russian).
21. Pisar'kova, L.F. (1995) Rossiyskie chinovniki na sluzhbe v kontse XVIII – nachale XIX v. [Russian officials in the service at the end of the 18th and early 19th centuries]. *Chelovek*. 3. pp. 121–139.
22. Farforovskiy, S.V. (1910) *Iz byta chinovnichestva v doreformennoy vremya* [From the life of officials in the pre-reform time]. Stavropol'-Kavkazskiy: Elektropechatnya Vaynblat.
23. Russian State Historical Archive. Fund 1268. List 10. 1861 g. File 16. (In Russian).
24. Russian Empire. (1830) Vysochayshe utverzhdennoe Uchrezhdenie, dlya upravleniya Kavkazskoy oblasti [Highly Approved institution for the management of the Caucasus region]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. II. 878. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
25. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 249. List 2. (In Russian).
26. Russian Empire. (1857) Ustavy o sluzhbe grazhdanskoy [Statutes on civil service]. In: *Svod Zakonov Rossiyskoy imperii, povelaniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy v 15 t.* [The Digest of Laws of the Russian Empire compiled by the order of Emperor Nicholas the First, in 15 vols]. Vol. III. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
27. Grigorovskiy, S. (1912) *O brake i razvode. Sbornik tserkovnykh i grazhdanskikh zakonov s dopolneniyami i raz'yasneniyami na osnovanii tsirkulyarnykh ukazov i separatnykh opredeleniy Svyateyshego Sinoda* [On marriage and divorce. The collection of church and civil laws with supplements and explanations on the basis of circular decrees and separate definitions of the Holy Synod]. St. Petersburg: Sinodal'naya Tipografiya.
28. Kuz'min, A.D. (2014) Matrimonial bonds and demographic behavior of civil officers in Belarusian provinces (1864–1914). *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 69–75. (In Russian).
29. Pagirev, D.D. (ed.) (1906) *Kavkazskiy Kalendar' na 1906 g.* [The Caucasian Calendar for 1906]. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo.
30. Russian Empire. (1888) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "O novom shtate upravleniya kochevymi inorodtsami Stavropol'skoy gubernii" [Highly Approved opinion of the State Council "On the New State of Management of Nomadic non-Russians of Stavropol Province"]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection III. Vol. VI. 3813. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
31. Russian Empire. (1857) Uchrezhdenie Upravleniya Stavropol'skoy gubernii [Establishment of the Office of Stavropol Province]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Digest of Laws of the Russian Empire]. Vol. II. Pt. II. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
32. Russian Empire. (1857) Ustavy o povinnostyakh [Charters of duties]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Digest of Laws of the Russian Empire]. Vol. IV. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
33. Dubrova, Ya.P. (1998) *Byt kalmykov Stavropol'skoy gubernii* [The life of the Kalmyks of Stavropol Province]. Elista: Kalm. kn. izd-vo.

Received: 22 October 2018